

A full-page painting of a woman with long, wavy brown hair, wearing a red string bikini. She is standing in front of a background of intense orange and red flames, with a black wrought-iron fence visible behind her. The lighting is dramatic, highlighting her skin and the texture of the flames.

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 1

18+

Александр Эрот Приключение нимфоманки. Часть 1

<https://litres.ru/74419752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эротический роман о молодой женщине на вилле . Оставшись без мужа, героиня погружается в пучину чувственности: от одиноких фантазий — к связи с садовником Паоло. Через вуайеризм, подчинение и боль она сбрасывает оковы воспитания, превращаясь из благовоспитанной жены в стихию абсолютного наслаждения. Иван, оказавшийся тайным режиссёром этой инициации, в письме раскрывает замысел: впереди — приём с гостями, где героиня должна стать «общим достоянием». Но она переросла роль марионетки и готова играть по своим правилам. Роман исследует темы свободы, власти, плоти и греха, оставляя финал открытым.

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 1

Моя чувственность не давала мне покоя, от одной мысли о мужчинах меня бросало в дрожь. Сны становились всё более насыщенными.

Каждую ночь я погружалась в густой, как патока, дурман, где не было ни запретов, ни стыда, а лишь бесконечный лабиринт из сплетенных тел, тяжелого дыхания и влажной кожи. Я просыпалась задолго до рассвета, когда тропическая ночь еще лежала на окнах тяжелым бархатом, а воздух в спальне нашей виллы казался осязаемым, пропитанным ароматами увядающего жасмина, мускуса и моего собственного, ничем не утоленного желания.

В этой полутьме, под мерный, гипнотический шелест потолочного вентилятора, я лежала на сбитых шелковых простынях, чувствуя себя пленницей собственного тела. Мой муж, Иван, был в отъезде, и его отсутствие парадоксальным образом лишь обостряло мою жажду. Он научил меня свободе, он приоткрыл для меня дверь в мир, где женщина — это не просто сосуд для мужской страсти, а самостоятельная стихия, ненасытная и прекрасная в своей порочности. Но сейчас его не было, и эта свобода обжигала меня изнутри,

требуя выхода, требуя прикосновений.

Я закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающие образы недавнего сна. В нем не было лиц, только руки. Сильные, грубые, нежные, властные руки незнакомцев, которые скользили по моим плечам, спускались к груди, сминали ее с требовательной лаской. От одних воспоминаний об этих фантомных касаниях по спине пробегала крупная дрожь, а внизу живота, там, где зарождалось самое темное и сладкое из чувств, распускался горячий пульсирующий цветок.

Моя кожа стала невыносимо чувствительной. Тончайшая ткань ночной сорочки казалась наждачной бумагой, каждый раз, когда я вдыхала, она терлась о мои напряженные, затвердевшие соски, и эта попытка приносила мне извращенное, мучительное удовольствие. Я медленно провела ладонью по своему животу. Кожа была покрыта испариной. В тропиках тело всегда немного влажное, оно словно постоянно готово к соитию, оно живет в ритме вечной течи, которую диктует сама природа.

Мои пальцы, повинувшись инстинкту, более древнему, чем разум, скользнули ниже, туда, где тепло переходило в нестерпимый жар. Я прикоснулась к себе и тихо, прерывисто выдохнула. Я была совершенно готова. Влажная, раскрытая, истекающая желанием, как перезревший плод, готовый упасть в подставленные ладони.

Что со мной происходило? Я, женщина, получившая классическое воспитание, читавшая философские трактаты

и умеющая вести светские беседы, теперь превратилась в сплошной обнаженный нерв, реагирующий только на одно — на зов плоти. Я думала о мужчинах. О запахе их пота, о жесткой щетине на их щеках, о том первобытном рыке, который вырывается из их груди в момент оргазма. Я представляла, как они смотрят на меня — с голодом, с желанием подчинить, разорвать, заполнить меня целиком. И эта мысль о подчинении, о том, чтобы отдаться без остатка их грубой силе, заставляла меня выгибаться на кровати, сжимая бедра в тщетной попытке унять нарастающую пульсацию.

Не в силах больше лежать, я откинула простыню и встала. Босые ноги ступили на прохладный тиковый пол. В комнате было темно, лишь сквозь жалюзи пробивались бледные полосы лунного света. Я подошла к высокому, в полный рост, зеркалу. В полумраке мое отражение казалось призрачным. Худощавая, но округлая фигура, копна спутанных волос, полураскрытые влажные губы и глаза — темные, огромные, лихорадочно блестящие. Я сбросила с плеч бретельки сорочки, и шелк бесшумно стек к моим ногам, оставив меня абсолютно обнаженной.

Я смотрела на свои груди — они были тяжелее обычного, налитые желанием, с потемневшими, дерзко торчащими ареолами. Я обхватила их ладонями, чуть сдавила, любясь тем, как белеет кожа под моими пальцами. В этом было какое-то нарциссическое, пьянящее наслаждение — быть одновременно и объектом желания, и тем, кто желает. Мои ру-

ки заскользили ниже, по талии, по крутому изгибу бедер. Я ласкала себя так, как хотел бы ласкать меня мужчина: уверенно, не спеша, изучая каждый дюйм, наслаждаясь своей собственной податливостью.

Но мне было мало себя. Мой разум жаждал чужого присутствия.

За окном начало светать. Небо окрасилось в пепельно-розовые тона, город медленно просыпался, наполняясь звуками: криками птиц, далеким гулом моторов, шелестом пальмовых листьев. Я подошла к окну и приоткрыла жалюзи, прячась в тени комнаты. Мой взгляд упал на сад.

Там, внизу, у бассейна, уже работал Паоло — молодой садовник-итальянец, которого Иван нанял несколько недель назад. Обычно я не обращала на него внимания, но сегодня мое измененное, отравленное похотью сознание сфокусировалось на нем, как хищник на жертве.

Он был обнажен по пояс. Его кожа, загорелая до цвета темной меди, блестела от пота в первых лучах солнца. Он ритмично орудовал мачете, срезая разросшиеся ветви бугенвиллии. Взмах, еще взмах. Я следила за тем, как перекачиваются мышцы на его спине, как напрягаются плечи, как капли пота стекают по позвоночнику, скрываясь под поясом низко сидящих рабочих брюк. От него наверняка пахло землей, соком срезанных растений и острой мужской испариной.

Мое дыхание участилось. Я прижалась лбом к прохладному стеклу, чувствуя, как внутри меня туго скручивается пру-

жина. Вуайеризм — это тоже искусство, это прелюдия, которая может довести до исступления. Я смотрела на Паоло и представляла, что он делает это для меня. Что каждый взмах его сильных рук — это удар, приближающий его ко мне.

Вот он остановился, откинул со лба влажные черные волосы и посмотрел наверх, прямо на мои окна. Он не мог видеть меня сквозь жалюзи, но мне показалось, что его взгляд прошил меня насквозь. В этом взгляде снизу вверх не было покорности слуги — в нем была уверенность самца, чувствующего запах самки.

Мои ноги подкосились, и я медленно опустилась на колени прямо перед окном. Теперь я видела лишь кусочек сада и его фигуру, а мои руки снова скользнули между бедер. На этот раз прикосновение было нежным, но безжалостным. Я нашла эту маленькую, пульсирующую жемчужину своего естества, скрытую во влажных складках плоти. Одно легкое касание — и я едва не вскрикнула, запрокинув голову.

«Смотри на меня», — мысленно шептала я мужчине за окном, хотя он не мог меня ни видеть, ни слышать. «Смотри, что ты со мной делаешь».

Мои пальцы двигались в такт ударам его мачете. Взмах — легкое круговое движение. Еще взмах — мягкое, но настойчивое давление. Я закрыла глаза, и образ садовника слился с образами безликих мужчин из моих снов. Их стало много. Они окружили меня. Я чувствовала, как один из них грубо берет меня за волосы, заставляя обнажить шею для его по-

целуев. Другой разводит мои колени, прижимаясь твердым, горячим естеством к моему раскрытому лону. Третий скользит языком по моей груди, кусая сосок до сладкой боли.

Реальность и фантазия сплелись в неразрывный узел. Я больше не была, верной женой и утонченной женщиной. Я была воплощением самого греха, жрицей культа наслаждения. Мои пальцы, скользкие от собственных соков, двигались всё быстрее, безжалостно дразня и доводя меня до грани безумия. Я имитируя толчки, глубокие и сильные, представляя, что это не моя рука, а плоть того мужчины из сада, проникающая в меня с безжалостной силой.

С каждым движением по моему телу прокатывалась волна жара. Я начала тихо стонать, кусая губы, чтобы не закричать в голос. Мышцы живота напряглись, бедра мелко дрожали, сводимые судорогой приближающегося оргазма. Это было похоже на натяжение тетивы лука, которая вот-вот должна сорваться.

В моем воображении мужчина из сада бросил мачете, шагнул в комнату, поднял меня с колен и с силой прижал к стене. Я почувствовала вкус его губ — соленый, грубый, властный. Я почувствовала, как он рывком раздвигает мои ноги и входит в меня, заполняя до самых краев, доводя до точки невозврата.

«Да...» — сорвалось с моих губ хриплым шепотом.

Мои пальцы сделали последнее, самое быстрое и безжа-

лостное движение, и мир вокруг взорвался ослепительным светом. Оргазм обрушился на меня, как тропический ливень — долгий, сокрушительный, вымывающий из сознания все мысли. Мое тело выгнулось дугой, сокращаясь в глубоких, ритмичных спазмах, выплескивая наружу всё то невыносимое напряжение, что копилось во мне эти дни. Я дышала тяжело, со всхлипами, чувствуя, как сладкая истома разливается по каждой клеточке, заставляя мышцы безвольно обмякнуть.

Я упала на бок, на прохладный пол, прижав колени к груди. Моя грудь тяжело вздымалась, сердце бешено колотилось где-то в горле. В комнате стало светлее — солнце уже поднялось над горизонтом, заливая виллу беспощадным золотым светом.

Я лежала на полу, совершенно обессиленная, но абсолютно счастливая в своей порочности. Одинокая разрядка принесла физическое облегчение, но я знала, что это лишь полумера. Иллюзия укрощения зверя. Моя чувственность, разбуженная с такой яростью, не удовлетворится лишь фантазиями и собственными руками. Этот жар, эта дрожь, этот голод требовали настоящего, живого соприкосновения. Требовали мужской плоти, запаха, власти и подчинения.

Я медленно поднялась, чувствуя приятную ломоту в теле. Подошла к кровати и накинула легкий шелковый халат, не удосужившись завязать пояс. За окном Паоло продолжал свою работу, не подозревая о том, участником какой драмы

он только что стал. Я смотрела на него уже без прежней лихорадки, но с холодным, расчетливым интересом.

Иван вернется только через неделю. Семь долгих дней и семь жарких, удушливых ночей.

Я подошла к туалетному столику и провела расческой по спутанным волосам. В зеркале отражалась женщина, которая окончательно сбросила с себя оковы благопристойности. В ее глазах горел темный, опасный огонь. Я знала, что сегодня вечером спущусь к бассейну. Я надену платье из тончайшего белого батиста, под которым не будет ничего, кроме моей разгоряченной кожи. Я попрошу садовника помочь мне с шезлонгом. Я позволю ему посмотреть на себя вблизи, позволю уловить запах моего недавнего возбуждения.

И тогда игра, начавшаяся в моих снах, перейдет в реальность. Потому что я больше не намерена сопротивляться своей природе. Я создана для любви, для боли, для наслаждения, переходящего все мыслимые границы. И это — только начало моего великого падения, которое станет моим возвышением.

День, последовавший за моим утренним безумием, тянулся с мучительной, почти садистской медлительностью. День погрузился в вязкое, удушливое марево полуденного зноя. Воздух дрожал над раскаленными крышами, а тишина нависла казалась звенящей, прерываемой лишь монотонным гудением кондиционеров и редкими криками экзотических птиц в саду.

Я бродила по пустым комнатам, словно тигрица в клетке. Мое тело, еще хранившее память о утренней разрядке, отказывалось успокаиваться. Напротив, короткое физическое облегчение лишь распалило мой голод, превратив его в постоянную, ноющую пульсацию внизу живота. Я пила ледяную воду с лаймом, но она не могла остудить внутренний пожар. Я пыталась читать, но буквы на страницах томика сливались в бессмысленные узоры; мой разум отказывался воспринимать абстрактные идеи, требуя чистой, незамутненной телесности.

Иван учил меня, что истинная эротика рождается в разуме, что фантазия — это холст, на котором мы пишем свои самые смелые желания. Но сейчас мой разум был полностью поработан плотью. Я была готова отбросить все философские концепции ради одного — ощутить на себе тяжесть чужого тела.

Ближе к вечеру я начала свой ритуал. Я наполнила ванну прохладной водой, добавив в нее несколько капель густого масла сандала и жасмина. Погрузившись в воду, я закрыла глаза и позволила себе раствориться в ощущениях. Мои руки скользили по бедрам, по животу, по груди. Кожа стала удивительно нежной, восприимчивой к малейшему касанию. Я готовила себя. Я была жрицей, омывающей свое тело перед священным закланием на алтаре страсти.

Когда солнце начало клониться к горизонту, окрашивая небо над Сиамским заливом в оттенки кровоточащего пур-

пура и жженого золота, я вышла из ванной. Не вытираясь полотенцем, я позволила каплям воды высохнуть на моей коже, впитывая пряные ароматы масел.

Затем я подошла к шкафу. Мой выбор был предопределен еще утром. Я достала платье из тончайшего белого батиста — ткань была настолько невесомой, что казалась сотканной из утреннего тумана. Я надела его прямо на обнаженное тело. Оно свободно струилось по моим изгибам, но не скрывало ничего. Сквозь полупрозрачную материю отчетливо проступали темные, напряженные острия сосков и темный треугольник лона. Я посмотрела в зеркало. Передо мной стояла не просто женщина. Это был вызов. Это была неприкрытая провокация, обернутая в иллюзию невинности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.